

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И «ЗАКАТ» ЕВРОПЫ

Г.Г. Пиков

Новосибирский государственный университет

pikov@gf.nsu.ru

В статье делается попытка рассмотреть Первую мировую войну как явление евразийское. Применительно к истории Европы она является своеобразной формой решения сложнейших цивилизационных проблем и специфическим механизмом снятия «нововременной» социо-культурной модели.

Ключевые слова: Первая мировая война, Новая история, религия, наука, Европа, Россия.

Первая мировая война¹ (1914–1918) –

¹ Любопытно, что это название утвердилось в научной и общественной литературе только после начала Второй мировой войны в 1939 г., сначала явно для отличия ее от нового геополитического конфликта. В межвоенный период употреблялось название Великая война (англ. The Great War, фр. La Grande guerre), в дореволюционной России её иногда называли второй Отечественной, а неформально – германской. В СССР ее именовали уже империалистической войной. Разнообразие названий тоже говорит об отсутствии единодушия в понимании ее причин, характера и последствий. Как мудро заметил Томас Вудро Вильсон, «все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их поиски тщетны, причину эту они не найдут. Война началась не по какой-то одной причине, война началась по всем причинам сразу» (*Карлеу В. Первая мировая: начало конца* // <http://pravaya.ru/look/17163?print=1>). Впоследствии державы-победительницы дружно объявили виновниками Германию и ее союзников. В статье 231 Версальского мирного договора говорилось: «Союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников». В 20-е годы XX в. трактовки непосредственных причин войны были изложены в «цветных»

один из самых широкомасштабных и кровавых военных конфликтов в истории человечества. Очень часто говорят, что она открыла «новую эпоху в истории мира». И первое, на что стоит обратить внимание – война не просто не забыта, но вызывает явственный растущий интерес. История этой «загадочной войны»² – тема не столько историческая, сколько общественная. В исторической науке уживаются несколько теорий, как бы дополняющих друг друга, что позволяет говорить об объемном видении этого феномена. Почему? Только ли дело в том,

книгах – официальных публикациях дипломатических документов стран-участниц: германская «Белая», британская «Синяя», российская «Оранжевая», бельгийская «Серая», сербская «Синяя», французская «Желтая», австрийская «Красная» (изданы в начале мировой войны). В этих сборниках ответственность за развязывание войны возлагалась на противную сторону (в «Белой книге» говорилось, что Германия ведет оборонительную войну против напавшей на нее России).

² В определенной степени она остается одной из самых загадочных войн в истории, ведь, хотя хорошо известен ее ход, но ни историки, ни широкая общественность до сих пор не смогли прийти к согласию в вопросах ее причин и последствий.

что она стала удобной вехой для выделения в школьных и вузовских учебниках «новейшей истории»?³ Современность к тому же активно штурмует новейшую историю «вывихнутого» XX века и не может обойти своим вниманием войну, которая, как кажется, и спровоцировала все изменения и катаклизмы в нем.

А так ли это? И если да, то все же почему и насколько именно она «виновата» в этом?

Думается, вопрос можно ставить гораздо шире и рассматривать ее как войну поистине мировую, хотя это событие практически стопроцентно изучается только с точки зрения развития лишь Европы⁴.

Все это означает, что все причины этой войны можно разделить на четыре группы: общемировые, евразийские, европейские, национальные. Анализ этих причин показывает, что война не была результатом действий лишь каких-то отдельных людей или социальных групп, хотя они и играли в ней весьма заметную роль, что, впрочем, вполне естественно в ходе любой сколько-

³ Историю всегда трудно датировать, особенно по каким-то культурным фактам, событиям, процессам. Чаще «швы» истории связаны с событиями политическими или социальными. Особенно это характерно для Европы, в истории которой всегда особое значение имели революции и внутренние войны как механизмы снятия.

⁴ И это приходит в некоторое противоречие с самим обозначением войны как мировой. В лучшем случае упоминаются различные азиатские и американские государства, которые в той или иной степени оказались втянуты в нее. У нас и в самом деле нет никаких оснований отказываться от ее понимания как мировой, хотя, как в любой войне, у нее есть свой центр событий, где спровоцировавшие ее проблемы были наиболее сложны и злободневны, и периферия, которая по тем или иным причинам также оказалась неким театром военных или политических действий.

нибудь масштабной войны, а стала *своеобразной формой решения сложнейших цивилизационных⁵ проблем.*

Первое, что бросается в глаза, – эта война, несомненно, оказалась связана с серьезным и всесторонним кризисом европоцентристской геополитической и макроэкономической модели, которая начала складываться с эпохи Великих Географических Открытий. Для Европы время ее существования – это так называемая «новая история», интеллектуальным центром которой является Просвещение⁶, фактически построив-

⁵ «Цивилизация» как понятие активно введено в общественный и научный оборот с XVIII в. Сначала оно трактовалось как обозначение определенной стадии развития общества, следующей за дикостью и варварством, и уровня нравственного развития человечества (более подробно см.: *Пиков Г.Г.* К вопросу о терминах, применяемых и применимых к средневековой истории // *Политическая культура в истории Германии и России.* Кемерово, 2009). В настоящее время, после ряда работ (Ибн Халдун, Н.Я. Данилевский, К. Маркс, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби, Ш. Эйзенштадт, К. Ясперс, Л.Н. Гумилев, Б.С. Ерасов и др.), цивилизации понимаются как крупные целостные социокультурные системы со своими закономерностями, пространственно-временные культурно-экономические континуумы («миры»), форма существования отдельных массивов человечества в определенных пространственно-временных рамках. В трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби и Сорокина были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций. Сложился цивилизационный подход к истории. В начале XIX в., в ходе становления мировой колониальной системы (по сути, это первая волна «глобализации»), возникла даже «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа – своя цивилизация.

⁶ Добавим, что Просвещение не просто страница истории европейской культуры, его влияние носит как минимум евразийский характер. Идея единства Просвещения для всех народов исходит, прежде всего, из самого характера

шее иное здание культуры, хотя и из каких-то оставшихся целыми после очистительных смерчей Возрождения и Реформации «кирпичей» и по тому же «проекту». Оно произвело новый синтез этики, литературы, политики, дало в итоге новое понимание старым терминам (наука, творение, провидение, политика, этика, государство и др.) и в результате окончательно создало новую парадигму, в соответствии с которой и будет осуществляться социально-политическое и этно-культурное переустройство Европы.

Новая история – это действительно особая эпоха в истории Европы, хотя содержание ее и шире, чем понималось до сих пор. «Новая» история как «обновленная» (вернувшись к просветительской культуре, в рамках которой был впервые сформулирован окончательно общечеловеческий подход: ее объектом становилось все человечество, а не только христиане, белые люди или оседлые народы. Его идеи в XIX – XX вв. воспримут через Россию народы Средней Азии и Кавказа, а через европейских путешественников и миссионеров – латиноамериканцы и африканцы. Именно в США его идеи достигнут максимального развития. Этому способствовали два фактора – это время окончательного становления национальных государств и потому любое национальное Просвещение неизбежно делало акцент на освободительном движении: в области идеологии – от «церкви», «феодалов» и др., в области политики – от «империи», т. е. общеевропейского универсализма, к которому Европа сейчас опять тянется. Сейчас мы наблюдаем в некотором смысле антипросветительскую реакцию и ревизию. Шла активная борьба против двух универсальных сил – единодержавия (монархии, тирании и др.) и единобожия (Бога-Отца) и замена их на национальные конструкции с акцентом на идеях государства, «народа», «национального духа», самобытности этноса. Заимствование просветительских идей приводило подчас к парадоксальным результатам. Так, Россия фактически присваивает себе право трактовки европейской истории (работы Н.Я. Данилевского, Л. Мечникова, советский марксизм, сочинения Л.Н. Гумилева и др.).

пояся, по мнению гуманистов эпохи Возрождения, в «первозданное состояние»⁷), т.е. сумевшая произвести ревизию всего своего предшествующего цивилизационного наследия, невероятно эффективно его использовавшая, неизбежно могла существовать только до тех кардинальных мировоззренческих, геополитических и этно-культурных

⁷ Своеобразной аналогией этой эпохе является период «раннего христианства» (первая половина I тыс. н. э.). Религиозно-философские синтезы поздней античности (гностицизм, неоплатонизм, неопифагореизм и др.) и христианство выступили в роли тогдашних «возрождения» и «реформации», а готские «ренессансы» и патристика сыграли роль итогового «просвещения». По протяженности эти периоды тоже примерно одинаковы: I–VI и XIV–XVIII вв. В период «раннего христианства» формировалась «средневековая», «христианская» парадигма. Эпоху становления («вывихнутый век») всегда трудно анализировать, ведь «космос» рождается в «хаосе», нет единого и единственного критерия и результат становится очевидным лишь к концу периода. Это переходный период подобен младенчеству, первым 3–5 годам. Не случайно для Христа идеалом был младенец, ребенок. Как ребенок формируется «в семье», в присутствии нескольких взрослых с разными подчас педагогическими и ценностными ориентирами, так и формирование новой парадигмы как организация культурного пространства идет на базе территории высокого уровня развития культуры, социума (ВНУТРИ СИСТЕМЫ!) и одновременно ее кризиса («язычество» в Западной Римской империи) и усиления конвергенции культур в форме «варваризации» и распространения восточных культур, т.е. культурного наступления с севера и востока). Потом начинается обратное движение на север и восток в форме «христианизации». Так и «модернизация» в форме гуманизма начинается там же, в Италии, но как форма освобождения культуры от влияния северных «варваров», а потом уходит «за горы» (Альпы), где в классической, итальянской форме распространения не получает. И Просвещение там, с точки зрения зачинателей культурной революции, является «уродливым». «Маятник» в эту эпоху совершил свой второй цикл.

изменений, которые произошли в предшествующем столетии⁸.

Начало этого периода можно отнести к середине II тыс., когда в Европе складывается непростая ситуация. Она к исходу средневековья нуждалась в естественных ресурсах для выживания и давно уже (практически с начала первого тысячелетия) зависела от внешней торговли, к тому же, будучи слабой окраиной евразийского мира⁹, добивалась изменения природно-географических условий техническими средствами¹⁰. По мере формирования национальных государств, в каждом из которых складывается мощная и оригинальная культура, начинает складываться полицентричная культурная модель, в чем-то подобная модели мусульманской цивилизации. Если учесть, что идет военно-идеологическое укрепление соседних цивилизаций (мусульманской и православной),

⁸ В XX веке культурное, научное и социальное развитие бывшего «христианского» мира пошло по сценарию, аналогов которому никогда еще не существовало ни в одной цивилизации. Проще говоря, всю историю снова можно разделить на две «эры», границей которых и будет XX век. Она не изменила свой вектор, но развивается совершенно по иным законам.

⁹ Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. – М.: Наука, 1991. – С. 114.

¹⁰ Начало этого процесса модернизации в Европе не случайно получило образное обозначение «осень средневековья» (*Хейзинга П.* «Осень средневековья». – М.: Наука, 1988. – С. 4). В широком смысле под «модернизацией» понимается процесс трансформации традиционного общества в общество современного типа, в узком смысле – процессы промышленной революции и индустриализации, приведшие к становлению индустриального общества, основанного на машинном производстве, фабричной организации труда, едином внутреннем рынке. В данном случае речь идет о начальном этапе процесса модернизации, когда сама модернизация не приобрела еще четких форм и выступала всего лишь как тенденция.

то идеологическая дезинтеграция могла существенно ослабить цивилизацию. Этого не произошло, ибо на смену религиозной базе приходит набор светских социальных и политических идей, опирающихся уже не на «промысел Божий», а на идеологию научно-технического прогресса. Уже на первых порах это дает Европе превосходство в военном деле и промышленном производстве. Идущие одновременно военная, промышленная и идеологическая революции за полтора столетия (к середине XVII в.) преобразили Европу и позволили ей начать активную экономическую экспансию в различные районы земного шара.

Кризис этой нововременной модели начинает проявляться уже в XIX в. Об этом свидетельствуют события на всех континентах.

Осваивается окончательно выходцами из Европы Америка. В ее северной части завершается процесс образования североамериканских Соединенных Штатов Америки, которые захватили практически всю Северную Америку и начали распространять свое влияние на другие части Америки. Еще в 1823 г. американский президент Дж. Монро выдвинул основные принципы («доктрина Монро»), в которых заявил, что «Америка для американцев» и его страна не потерпит никакого вмешательства в дела Бразилии, Аргентины, Колумбии и других стран со стороны Старого Света. Происходит пробуждение Южной Америки, которую в XIX – начале XX вв. сотрясает ряд революций. Разные по характеру и направленности социальные движения идут в Азии (восстания сипаев, бабидов, тайпинов, революции в Японии, Китае, Турции).

В самой Европе широко распространяются кризисные настроения. Прежде всего, это нашло отражение в отношении к религии как фактору, продолжающему играть

ключевую роль в эволюции европейской культуры. Если под «религией» в истории европейской цивилизации понимать ее базовую культурную парадигму¹¹, то без ее санкции не могла обойтись ни одна новая идея¹². С одной стороны, во многом с по-

¹¹ См. подробнее: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск, 2002; *Он же.* «Сакральное» и «секулярное» в «христианской» культуре // История и теория культуры в вузовском образовании. Новосибирск, 2004. Культура многофункциональна и помимо массы разного рода значений и функций есть и такое, как средство анализа проблем взаимоотношения человека и общества с окружающим миром. Она может быть «микроскопом» по отношению к своему миру или «телескопом» по отношению к чужим мирам, но делается это с помощью таких конкретных «приборов», как религия, философия, литература, искусство. В традиционном обществе доминирует религия. Именно она во многом определяет формы изучения мира физического и организации «мира» социального, механизмы пространственно-временной адаптации и трансляции и алгоритм самоопределения по отношению к другим «мирам».

¹² Тора как «Закон» важна именно потому, что определяла «движение мира, существование человечества, историю народа, заключившего вечный Завет с Богом, каждодневное бытие человека», она – «некий священный план» развития мира и потому в ней сосредоточены необходимые для этого «важнейшие парадигмы, модели исторического и духовного бытия человека». Только Закон может обеспечить развитие мира от простого к сложному, от примитивного к истинному, от хаоса к «миру», обретение и соблюдение Завета и в итоге, говоря словами Н. Бердяева, «встречу народа с Богом путем истории». Если учесть, что теоцентристская идея маркирует всю европейскую цивилизацию, то понятно, что законы Моисея фактически создают колено европейского сознания, стимулируют его развитие и, так или иначе, присутствуют в качестве исходных и в новых условиях. Можно сказать, что на основе социальных и юридических идей Пятикнижия возможны и древнеиудейская теократия, и средневековая монархия, и буржуазная республика. Многие положения Закона Моисеева оказали влияние на развитие законодательства других народов и стран, особенно на формирование Конституции США.

дачи Реформации сформировался человек буржуазного общества – независимый индивид со свободой нравственного выбора, самостоятельный в своих суждениях и поступках. В носителях протестантских идей выразился новый тип личности с новой культурой и отношением к миру¹³.

Максимальный разрыв с религией, с другой стороны, вкупе с другими факторами привел к тому, что континент лишился прежнего единого мировоззрения. Сложившиеся в XX в. идеологические системы (марксизм, фашизм, демократические идеи и др.) не смогут объединить все населе-

¹³ Учебный курс по культурологии. – Ростов н/Дон, 1996. – С. 60. Первым из европейских мыслителей это увидел Гегель. В ряде ранних его произведений, а также в соответствующих разделах «Философии истории» содержатся достаточно определенные указания на то, что корни новой рациональности, нового самосознания, нового отношения к труду и обогащению, отличающих Западную Европу XVIII–XIX столетий, надо искать в реформационном процессе. Спекулятивная догадка Гегеля превратилась в проработанную гипотезу и получила серьезное документальное подтверждение в немецких историко-культурных исследованиях конца XIX – начала XX в. Впоследствии отмеченную также К. Марксом и Ф. Энгельсом связь между реформационными учениями и стяжательством по-иному пытались обосновать позднейшие исследователи. Одним из первых был Макс Вебер (1864–1920), опубликовавший в 1904 г. работу «Протестантская этика и дух капитализма» (Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus // Weber M. Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen. 1922). В общеметодологическом плане работы М. Вебера знаменовали начало перехода от так называемой «социальной физики» к «социальной феноменологии», одному из крупнейших направлений в современной истории и культурологии (Бурдьё П. Практический смысл. – СПб, 2001. – С. 67). По словам М. Вебера, «уже испанцам было известно, что «ересь» (то есть нидерландский кальвинизм) способствует «развитию торгового духа» (Вебер М. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1990. – С. 8) и она формирует психоэмоциональную базу буржуазии («дух капитализма») (Там же. С. 68).

ние прежнего христианского мира. Они, по сути, станут формой выживания в этой трудной ситуации. Сказалось и отсутствие единого языка. Окончательный разрыв с прежней патриархальной экономикой привел к доминированию рыночных отношений с их хаотичностью и непредсказуемостью.

В XVIII в., «веке философии» и одновременно «веке критики»¹⁴ наметились два варианта расправы с религией. С одной стороны, именно в эпоху Просвещения теизм был фактически рационализирован в форме деизма, где остаются идеи Бога и креационизма, но убирается провиденциализм (Бог уже не вмешивается в дела мира и человека, а его познание возможно только с помощью разума). Это рационализированный и секуляризированный теизм. С другой, через Гольбаха была окончательно сформулирована идея того, что религия всегда стоит на стороне так называемых господствующих классов и является естественным врагом низов. Этот тезис будет предельно обоснован именно в марксизме.

Начало XIX в. ознаменовалось признанием Бога всего лишь гипотезой, в которой нет нужды. Именно так заявил М. де Лаплас Наполеону. Парадоксально, но именно с этого времени религия перестает быть понятной многим людям. Из данности и единственной формы мировоззрения она превращается в «феномен»¹⁵ и становится «одним из наиболее хаотичных, запутанных и противоречивых комплексов общественной жизни»¹⁶. Б. Паскаль объявлял сущностными

элементами религии неизвестность и непостижимость. С. Кьеркегор описывал религиозную жизнь как величайший «парадокс», а христианство как «скачок в абсурд». Ф. Ницше объявляет о «смерти» Бога¹⁷, К. Маркс вообще назовет религию продуктом неразвитого и больного сознания¹⁸.

С точки зрения многих выдающихся деятелей культуры того времени, культура «погибает» под «ударами варваров», «умирает», возвращается в «первичную душевную стихию» (О. Шпенглер), опускается во «тьму психики». Возникает ощущение начала нового этапа в развитии цивилизации. В речи, произнесенной 24 июня 1872 г. в Хрустальном дворце в Лондоне, Б. Дизраэли объявил себя сторонником последовательной консолидации Британской империи. Эту речь на Западе принято считать

¹⁷ Его сочинения фактически были направлены против христианской морали. Он утверждает, что «война и смелость творит больше великих дел, чем любовь к ближнему», воспекает жестокость и волю к власти (добей упавшего, отвергни мольбу о пощаде и т.п.). Его книгу «Так говорил Заратустра» в годы войны часто находили в офицерских сумках и солдатских ранцах.

¹⁸ Эти идеи он развивает, в частности, в работе «К критике гегелевской философии права. Введение», где впервые формулируются основные принципы марксистского атеизма. Он исходит из того, что не религия создает человека, а человек создает религию, что «религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял». «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» (Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // http://uz-left.narod.ru/txt/kkgfp_v.htm). «Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» (Энгельс Ф. Анти-Дюринг // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001015/st000.shtml>).

¹⁴ Кассирер Э. Философия Просвещения // Культурология. Дайджест. № 1. – М., 2003. – С. 87.

¹⁵ Этот термин употребляется со времен Аристотеля, стал традиционным лишь для философского мышления и означает фактически то, что существует как непознанное.

¹⁶ Дулуман Е. К. Религия как социально-исторический феномен. – Киев, 1975. – С. 3.

сигналом вступления в период «нового империализма» 1870–1918 гг. Марксизм говорит о том, что капиталистическое общество вступило в заключительную стадию своего существования¹⁹.

В то же время все европейское начинает противопоставляться не только азиатскому, но и всему миру, не только в религиозном отношении, но и в общекультурном плане²⁰. Историк Ранке утверждал, что между

¹⁹ «Империализм, – утверждал Ленин, – есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» (*Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полное собрание соч. 5 изд. – Т. 27. – С. 387*).

²⁰ Можно вспомнить формулу С. Хантингтона «Запад против прочего мира» (по-английски *West versus Rest*). Здесь важно и то, что Ветхий Завет в целом и Тора в частности сыграла большую роль в складывании единой цивилизации и на обширных азиатских пространствах (кроме дальневосточной окраины континента). Здесь еще в глубочайшей древности складывались первые протоцивилизации («миры»), из которых в первом тысячелетии н. э. выросли такие мощные культурные очаги, как иранский, сирийский, ближневосточный, египетский. Эти культуры имели очень длительную и мощную культурную предысторию, и потому ни один из этих очагов в отдельности не мог стать ядром будущей единой цивилизации. Если на Западе складывалась моноцентричная (римоцентричная) модель цивилизации и для этого была основа в виде базовой греческой культуры, то на азиатском Востоке будет реализована модель цивилизации в виде «куста», созданная с помощью мусульманской мировой религии, предложившей идею «халифата» как сообщества письменных культур (а не бесписьменных народов и племен, как на Западе) под эгидой ислама. В условиях полицентричного «мира» у ислама не оказалось ни своей собственной «античности», ни своего единого сакрального прошлого. Он вынужден опираться в этом плане на такие синтетические варианты, как эллинистически-римскую «античную культуру» и иудейско-христианскую сакральную традицию. Именно они максимально непротиворечиво для

Востоком и Западом пролегла широкая и непреодолимая межа. Подобные же мысли можно найти у Маркса и Энгельса. В этом отношении интересно изображение В. Соловьёвым в своей книге «Три разговора» (1900 г.) идеолога «непротивления» Льва Толстого. Прямое «зло» у него выступает в образе мусульман, вырезающих армян, а «зло» непротивления злу – это признание равной ценности личностей, страдающих от насилия, подставляющих «другую щеку» и совершающих его.

Происходят принципиальные изменения в сфере науки. В рамках «новой истории» человечество окончательно выходит из сферы действия циклов физического мира и открывается новый ракурс видения мира. Отсюда в культурной парадигме новые акценты на ЭКСПЕРИМЕНТЕ (действии ВНЕ природных циклов), господстве над природой, Человеке – Творце, научно-техническом прогрессе. Новое познание – уже не познание природных циклов и подстраивание под них, а осмысление природы как партнера, а потом и врага (переход от космофилии к космофагии). Это познание объясняется и обрамляется рамками «прогресса» и «службы человечеству»²¹.

своего времени синтезировали культурное пространство от Месопотамии до туманного Альбиона. Именно из Торы фактически исходила пророческая традиция, которую довел до логического конца ислам. Посыл оказался настолько мощным, что мусульманская культура – религия до сих пор является арматурой полицентричного азиатского пространства.

²¹ Вероятно, осуществлять верификацию этого подхода помимо, скажем, классической философии, должен был и широко распространенный атеизм. Это – его новая задача и задача очень непростая, к решению которой он во многом еще просто не готов, как, возможно, не готова и философия, опирающаяся во многом на предхристианскую и античную традиции и связанная многими генетически тесными узлами с наукой с середины прошедшего тыся-

По мере развития Науки Креационизм (идея творения) максимально отвергается и происхождение Мира в итоге должна будет объяснить Наука. То, что в средние века считалось следами Промысла Божьего (Эволюция, Порядок, Логика, Последовательность и др.), объявлено системообразующими законами. В силу молодости парадигмы фактически игнорируется сама проблема Начала, она подменяется на статическую картину беспредельного во времени и пространстве Порядка. По сути, не замечается противоречие с идеей Прогресса, которая все же подразумевает Начало и Итог. Ньютоновско-декартовская парадигма исследует фактически лишь сегмент социального мира, а физический, как и в средние века, априорно и бездоказательно объявляется результатом развития Закона (не Бога!). Апогея эта тенденция достигнет в XIX в. (научный, исторический, литературный, революционный и т.д.), когда будет сказано либо, что Бог умер (Ницше), либо, что Бога нет (марксизм).

Нужно отметить также, что сформировавшийся в новое время классический научный подход (ньютоновский) создает такую картину мира, в которой событие, явление или процесс однозначно определяются начальными условиями, задаваемыми абсолютно точно. В этом мире не может быть ничего случайного и необъяснимого, он создан в воображении с точным соответствием с механической машиной. Если вся Вселенная понимается как гигантский механизм, то и все процессы в ней, в том числе и исторические, могут идти лишь в своеопределенном направлении. Иначе говоря, сейчас налицо определенный вызов со стороны достаточно хаотично и самонадеянно развивающейся науки и, соответственно, необходимость перехода в иную качественную плоскость как для философии, так и для атеизма.

бразной колее. Именно эйфорией периода первых успехов ньютоновской науки можно объяснить знаменитое изречение Лапласа о том, что существо, способное воспринять всю информацию о состоянии Вселенной, в любой момент времени могло бы не только точно предсказать будущее, но и до мелочей восстановить прошлое. Здесь нужно отметить, что современные представления и понятия закона, закономерности, тенденции начали формироваться в период становления науки (XVII в.). Как известно, нововременная наука изучала простые системы, т.е. системы с периодическим поведением (движение маятника или планет). Именно это обусловило успехи физики, сумевшей создать и закрепить в сознании людей физический образ мира, идею примата точных и естественных наук в решении гносеологических и даже онтологических проблем.

Между тем, простые системы есть лишь частный случай, в рамках которого достигается идеал исчерпывающего описания. Отсюда в науке сохраняется и даже абсолютизируется идущее еще от классической античности представление об эволюции мира как развитии от низшего к высшему. Развитие простых систем, действительно, предсказуемо и даже детерминировано. По любому мгновенному состоянию простой системы можно определить ее прошлое и даже предсказать будущее. Ограниченность знания не пугала, к ней даже стремились (Декарт). Фinitное знание как идеал подразумевало бесконечную точность. Подобный подход, естественно, был легко применен и к области гуманитарного знания, философии, религии, литературе, искусству. Он понятен и необходим был при изучении таких явлений, которые являлись простыми, ибо находились на стадии возникновения и первоначального развития.

К тому же, фактически ньютоновская наука не избавилась и не могла избавиться от христианского представления о векторном развитии мира. По сути, идея причинно-следственного порядка есть лишь калька христианского провиденциализма. А. Эйнштейн настаивал на том, что Бог мечет жребий, а не кости (*The God casts the die, not the dice*). Лишь в двадцатом столетии «грубость» подхода, выбор лишь одного фактора из множества, уже не может считаться предпочтительной. Усложнение картины мира по мере его изучения, кризис крупнейших идеологических систем с их акцентом на векторном понимании исторического процесса, столкновение различных цивилизационных парадигм, очередная конвергенция научного и религиозного знания, становление принципиально нового научного комплекса, – все это требует перехода к многомерному подходу. История уже не кажется вечным двигателем, с помощью которого человечество стремится к «светлому» будущему.

Как всегда в критические периоды начинает реализовываться сразу несколько вариантов развития. Во внешней сфере это, прежде всего, захват других территорий. На своем континенте это было сделать не просто, поэтому основное внимание Европа обращает на Азию и Африку. Завоевать Азию не удалось, и не удивительно, что усиливаются массовые миграции за пределы Европы, Китая и др. регионов, обостряются внутренние социальные противоречия, на этот раз уже не между феодальными классами и буржуазией, а внутри, по сути, только что сложившегося нового социума.

В этом плане Первая мировая война – квинтэссенция экстенсивных методов решения проблем. Она преследовала две за-

дачи: максимум – передел мира, минимум – передел Европы. Здесь четко проявляется идея агрессора. Под этим словом в данном случае стоит понимать не просто государство, которое совершает некую военную агрессию как нападение. В истории неоднократно бывали ситуации, когда отдельные народы и созданные ими государства играли особую роль в историческом процессе. Их действия в конечном итоге приводили к перекройке геополитической карты и, как следствие, к серьезным цивилизационным изменениям. Таковы были когда-то ассирийцы, персы, германцы, наполеоновская Франция, гитлеровский Рейх. Агрессор – своеобразный таран, но победу получают те, кто его победил и воспользовался результатами этой агрессии. Он наносит внешний удар, но подвергшиеся агрессии территории уже фактически «съедены» изнутри коррозией прежней модели.

Фактическим агрессором, что впоследствии было признано и юридически, выступила Германия, причем дважды в столетие, что говорит об особой значимости ее территории и внутреннем кризисе европейской зоны.

Проблемы в Европе на редкость злободневны, перенаселение принимает характер поистине космический, поэтому неудивительно, что война ведется с помощью самых кровавых методов. Первая мировая война – одна из самых длительных, кровопролитных и значительных по последствиям в истории человечества. Она продолжалась более четырех лет. В ней участвовали 33 страны из 59, обладавших в то время государственным суверенитетом. Население воюющих стран составило свыше 1,5 млрд. человек, то есть около 87% всех жителей Земли. Под ружьё было поставлено в общей сложности 73,5 млн. человек. Бо-

лее 10 млн. было убито и 20 млн. ранено. Прямые военные расходы 11 главных воюющих государств достигли 200 млрд. долл., т.е. в 10 раз больше стоимости всех войн с 1793 по 1907 г. Это в значительной степени обусловило особенно кровавый характер войны. Ее порой принято считать «последней рыцарской» войной. Еще Клаузевиц ввел в свое учение о войне «теорию устрашения» и писал, что «нужно бороться против заблуждений, которые исходят из добродушия». Он считал, что мирное население должно испытывать все тяготы войны, тогда оно будет воздействовать на свое правительство, чтобы оно просило мира: «мы должны поставить его (противника) в положение, которое при продолжении войны окажется для него более тяжелым, чем капитуляция». Шлиффен выдвинул «доктрину уничтожения». Еще в 1902 г. германский Генштаб издал «Kriegsbrauch im Andkriege» – официальный кодекс ведения войны, где разделялись принципы *Kriegsraison* (военной необходимости) и *Kriegsmanier* (законы и обычаи военных действий), причем подчеркивалось, что первые всегда должны стоять выше вторых. В целом в начале XX в. в практике международного права считался общепризнанным принцип «*to quoque*» – «как и другой». Если одна сторона допускала те или иные нарушения принятых норм и конвенций, то и ее противники могли делать то же самое, и преступлением это не считалось. Первая мировая война разрушила три аксиомы прежнего времени о гуманизме как естественном состоянии человечества, неизбежном сближении народов²², науке как абсолютном благе для

человечества. Она фактически разрушила оптимистическую культуру Европы, все достижения посленаполеоновского мира, сделала насилие легитимным орудием разрешения международных споров и социальных проблем. Она выдвинула национальную исключительность, социальную нетерпимость, расовое высокомерие. Однако она же показала, что только силовые методы решения проблем, не подкрепленные идеологически, ведут к геополитическому хаосу. В военном отношении она закончилась, по сути, ничем. Сверхзадачи не были решены никем, да и не могли быть решены – военные силы противостоявших друг другу врагов практически были почти равны. Передела Европы тоже не состоялось. Проблема стран Центральной и Восточной Европы, которые оказались аутсайдерами в мировой политике и экономике и фактически оказались зажаты между Западной Европой и Россией, решена не была. Именно нерешенность военно-политических про-

сфере. Кстати, в Германии и России не было развитых либеральных традиций, доставшихся Западной Европе от Ренессанса и Просвещения. Ф. Ницше писал о «враждебности немцев Просвещению». С. Хантингтон ныне пытается исторически обосновать противоположное утверждение. Мы живем в конфликте с этим генетическим утверждением и реалиями. По сути, это весьма серьезный информационный вызов современной Европы, который стал одним из последствий процесса становления национальных государств. Поэтому-то так тяжело переживаются распады каких-либо геополитических конструкций (СССР, Европы, спор цивилизаций). Налицо явный кризис паневропейской парадигмы. Нужно НОВОЕ И ИНОЕ обоснование, а его еще нет и не понятно, может ли оно быть? Поэтому и наблюдается подчас попытка заменить христианскую картину истории на более близкую, мусульманскую, которая все еще цельная (один язык, одна идеология и т. д.). В то же время менталитет европейцев в определенной мере остался еще общехристианским и христианство не ушло из культуры.

блем и стала одним из существенных факторов возобновления военных действий в рамках Второй мировой войны. Неудачи военные спровоцировали поиск иных методов решения проблем. Впоследствии будет предпринята другая попытка решить те же задачи, но уже под новыми идеологическими знаменами, которые будут связаны с тремя идеологиями, по сути, нового типа – фашизм, сталинизм, либерально-демократические идеи.

И все же эту войну стоит рассматривать и как своего рода «прогрессивный» фактор, если не понимать, разумеется, слово «прогресс» сутобо в морально-этическом плане.

«Салют наций» 11 ноября 1918 г. во многом определил мировую эволюцию всего последующего времени. Первая мировая война начала век всех основных революций – социальных, научных, геополитических, экономических, мировоззренческих. За четыре года войны произошла подлинная революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира. Первая мировая война вывела на арену общественной жизни огромные народные массы, ранее фактически не участвовавшие в мировой истории и придала современную форму национальному вопросу. Она же дала невиданный импульс технической революции.

Ликвидированы были геополитические остатки феодализма – империи (Германская, Российская, Османская, Австро-Венгерская). Уничтожены излишки населения, и таким варварским способом напряженность в Европе в некоторой мере была снята.

Европейская война втянула в орбиту военных и политических конфликтов практически весь мир, особенно важно то, что она окончательно «разбудила» Россию

и Азию. Во многом это было связано с тем, что они почувствовали реальную опасность перенесения «капиталистической» модели Европы на весь мир. Новременная европейская культура во многом с помощью своих бесспорных успехов получила к XX в. возможность достаточно механистически переносить европейскую специфику на историю других цивилизаций, объявив историю Европы универсальной моделью развития всего человечества. Господствовавший формационный подход хорошо накладывался на присущую всей европейской традиции и особенно хорошо выраженную в христианской философии истории идею поступательного развития всех народов. Однако именно с этого времени капитализм начинает рассматриваться только как западный цивилизационный вариант и проявление гегемонистской идеи в глобализации, а не «магистральный путь развития всего человечества»²³. Эта критика уже идет практически без влияния марксизма и идей Октябрьской социалистической революции в России. Не случайно, как заметил С. Хантингтон, именно в XX в. закончилась «экспансия Запада» («давоской культуры» по словам С. Хантингтона) и началось «восстание против Запада». В противовес ей стали постепенно выдвигаться

²³ Суровая критика капитализма ныне идет даже в Латинской Америке, что часто воспринимается как свидетельство замкнутости капитализма, т.е. не магистрального пути, а специфически европейского явления. См. *Эрнандо де Сото*. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем капиталистическом мире. – М., 2001. Можно предположить, что «империализм» действительно является формой и механизмом трансформации традиционного общества, формой «заката», ухода «капитализма», который был достаточно специфичной общественной моделью Европы Нового времени (прекрасно описан Марксом).

другие «классические» цивилизации, такие, например, как советская и исламская, был нанесен удар по социально-политическим рецептам европейского капитализма. Мировые войны и стали первой формой спора различных цивилизационных парадигм и конструкций.

Конец II тысячелетия обозначил сам себя в качестве первого этапа складывающегося в глобальном масштабе информационного общества. Действительно, особое значение начинает приобретать распространение информации, которая проникает во все уголки планеты и во все поры человеческого сообщества, резко стимулируя геополитические, макроэкономические и этнокультурные процессы. Однако обратной стороной информационной революции совершенно очевидно является ситуация информационного хаоса. По словам Вальтера Беньямина (1892 – 1940), в культуре XX века идет борьба народов за право регистрировать свою историю. О новом видении исторического процесса начинают активно говорить новые и старые европейские и азиатские общества (советское марксистское понимание истории, пересмотр истории исследователями из бывших советских республик, осуждение европоцентризма как базовой методологической посылки в странах Азии и Африки и т. д.). «Вывихнутый» XX век с его мощными геополитическими и социальными катаклизмами, культурно-идеологическими кризисами, стремлением к максимальной деидеологизации, доходящей до атеизации культуры, снова начнет пересматривать «дорогу истории» и попытается увидеть в потерянных векторах нереализованные, но вполне реализуемые в новых условиях возможности дальнейшего развития. С одной стороны, это стимулирует переход к макси-

мально объективному научному подходу к истории, но, с другой, ситуация информационного хаоса на планете усиливается необычайно и требует срочной ликвидации, которая вполне может произойти под эгидой новой идеологической схемы. Признаки ее становления уже заметны. Если в начале столетия неверие в возможности синтетического подхода к истории породили пестроту и противостояние идеологий (христианство, фашизм, марксизм, позитивизм, анархизм), в силу этого принципиальный отказ от множества схем, своего рода научную апатию и стремление понять «историю» через факт или отдельно го человека (школа «Анналов»), то к концу века юная «демократическая» идея требует срочной историко-культурной «подпитки» и исторической аргументации. Есть соответствующая опасность, что либеральная идея, пришедшая на смену религиозной, создаст свою систему фильтров, через которые многим народам без новых потерь пройти не удастся.

Можно говорить, что именно Первая мировая война явственно показала наличие далеко зашедшей европейской культурной дезинтеграции, что и проявилось уже в самой этой войне как войне практически всех против всех. Все основные современные идеологии (либерализм, социализм, анархизм, марксизм, фашизм, демократия) западного происхождения. Уже их пестрота говорит о том, что ни одна из них не смогла стать универсальной и работает сложно даже в рамках Европы. К тому же все они, так или иначе, связаны с национальными парадигмами развития. Запад потерял единый язык (латынь, английский еще не стал общеупотребительным, хотя компьютерная революция придала очень мощный импульс для его развития), тогда как на Вос-

токе эти единые для определенных мета-регионов языки все еще сохраняются (китайский, арабский, русский). На Востоке же все еще господствуют религии, которые являются более эффективным инструментом для организации внешней экспансии (под «религиозными» лозунгами). На Западе тоже будет идти богоискательство («Реванш Бога»), но он явно отстает от более «старого» Востока. «Реванш Бога» идет во всем мире, но если на Западе он свидетельствует скорее об «усталости» цивилизации и «переломной эпохе» ее истории (усиление религиозности как результат определенного разочарования в привычных ценностях, увлечение восточными и даже африканскими формами культуры, попытки «богостроительства» и т. п.), то на Востоке, особенно «арабском» налицо реванш «базовых» религиозных систем и как обязательное следствие этого фундаментализма.

Уже следующая война будет идти между первоначальными синтезами идеологии. Переход ко Второй мировой войне был неизбежен, а после нее, по сути, пойдет цивилизационное противостояние между стремительно интегрирующейся Европой и двумя другими цивилизациями (СССР и ислам).

Суровая критика капиталистической модели осуществлялась в самой Европе и во многом благодаря СССР была подхвачена остальным миром. Эта модель явно уходила, поэтому на нее и сваливали все грехи (мир насилия, безумный мир, бездуховность, несправедливость). Огромный интерес к информации и культуре, которые способны «спасти мир», характерен для всего некогда достаточно однородного «христианского мира» (массовый атеизм в СССР, искренний интерес к марксизму не только в СССР, широкое распространение на Западе демократических ценностей). Неудивительно, что

на первых порах это способствовало нарастанию духовного раскола в цивилизации, идейно-культурном пространстве отдельных ее частей. Усугубляла это мощная критика богатства и этики накопления, идущие повсеместно «социальные бои», распространяющиеся даже в Европе антикапиталистические настроения, в чем-то спровоцированные мировой войной и Октябрьской революцией в России.

На Востоке тоже намечались два варианта развития событий. Япония пыталась реализовать экспансионистский вариант развития, но будет разгромлена. Особая роль в этом принадлежит СССР, поскольку именно для него Япония представляла наибольшую опасность. В Китае после свержения Цинской империи (1911 г.) начинается серия социокультурных катаклизмов и постепенное выстраивание двух идеологических векторов: гоминдан и коммунисты. Культурное сопротивление Западу заметно и в Индии. В результате Восток все больше склоняется к использованию военного, экономического, политического потенциалов Запада, но не идеологического и огромный интерес проявляет к советскому опыту цивилизационного строительства.

Ситуация информационного хаоса, складывавшаяся в Европе, породила ряд глубоких неврозов, окрасивших ее историю в трагические тона. Продолжилась начавшаяся реально еще в XIX в. глобализация, которая вела к складыванию глобальной экономики, усилению взаимодействия существующих цивилизаций и окончательной ломке многих цивилизационных стереотипов²⁴. Растущая конвергенция различ-

²⁴ Термин «глобализация» появляется в середине 80-х гг. (статья Т. Левит в «Гарвард бизнес ревью», 1983) и касался сначала феномена слияния рынков отдельных продуктов. Геополитическое толкование этого термина дали социологи Р. Ро-

ных культур будет стимулировать процесс складывания глобальной цивилизации, которая по своей форме будет во многом подобна прежним, существовавшим в рамках определенных метарегионов. Для нее неизбежно будет характерна полицентричность и идея сосуществования различных этно-географических и культурно-религиозных районов – то, что уже стало заметно в последнее время и получило наименование «многополярного мира». Если воспользоваться мыслью О. Шпенглера, толемеев однолинейный подход к истории сменился коперниканским полилинейным.

В Европе перед войной революционная идея явно идет на спад. Социализм Маркса во многом перешел в распоряжение профсоюзов, а радикальные идеи и рецепты переместились на Восток. Центром этого радикализма становится Россия, остальные азиатские революционеры будут пользоваться антикапиталистической и антизападной интерпретацией ленинизма. Восток лишен собственных революционных традиций²⁵, поэтому берет западные социалистические идеи как своеобразную дубину, с помощью которой начинает решать уже не только и не столько политические задачи, сколько социальные (Синхайская революция, гоминьдан, маоизм как соединение китайских учений с марксизмом).

бертсон (1985, 1992) и К. Омае (*Ohmae K. The Borderless World. L., 1990 / «Мир без границ»*). Блестящее описание глобализации фактически дает В.И. Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма».

²⁵ Политические и социальные движения на Востоке никогда не приводили к смене «формаций» и таким образом не поднимались до уровня «революций». Понятие «революция» сугубо европейское, и в Азии начинает использоваться после установления тесных контактов с «капиталистической» Европой.

Именно кризис революционных идей и кризис антикапиталистической литературы, от которой отворачивается западное общество, но начинает активно использовать общество русское, вкупе с отсутствием пригодных социальных и политических рецептов способствовали сползанию общества к использованию военных методов для решения возникших проблем. Определенный парадокс был связан с кризисом двух крайностей – самой «капиталистической» модели и ее неприятия с позиций умершего феодализма (русская литература от Пушкина до Толстого, интерес западной литературы к докапиталистическим эпохам, моральная критика «старосветского» общественного устройства западными философами и экономистами). В Европе широко распространяется идея свободы отдельного человека, а общество в целом начинает поддерживать идею войны.

Господствовавшая ранее «буржуазная» культура начинает активно критиковаться и на смену ей идет культурное «наводнение». Восточные сюжеты, темы социальной несправедливости, классовой борьбы соседствуют с самыми низкопробными детективами и откровенной порнографией. Формируется массовая культура, в определенной степени подготовленная революционной и просветительской литературой, которые дискредитировали прежние «классические» писательские традиции. Это не культурная катастрофа, а форма окончательного снятия прежней нововременной модели культуры, связанной с идеей Бога/Матери, в конечном итоге начало перехода в иную плоскость культуры. Это характерно вообще для переходных эпох. Гегель настаивал на диалектическом отрицании в развитии человечества и даже предложил соответствующий термин – «снятие» (*Aufhe-*

bung). «Снятие» есть уничтожение старого, но сохранение и обязательное использование всего «жизнеспособного» на новой стадии развития. Цикличность, по Гегелю, – «идущее вспять обоснование начала и идущее вперед дальнейшее его определение». По словам М. Вебера, происходит «расколдование» (Entzauberung), иначе говоря, рациональное переосмысление сложившейся иррациональной культуры, но в итоге «всегда приспособление к себе» (Ж. Деррида). Цивилизация «в себе» станет цивилизацией «для себя». Так, И. Христос фактически обвиняет прежнюю культуру в бездуховности, когда требует «искать духа» («Блаженны нищие духом», т.е. ищущие духа). Для Тертуллиана (III в.) «душа, не приобщенная к культуре, есть христианка». Он – носитель «абсурдной» (лат. ad absurdum – «исходящее от глухого») культуры, которая не «слышит» «разумное». Для Ж.-Ж. Руссо девиз «Назад к природе!» означал, что прежняя культура извращает человека. Коммунисты требовали разрушить прежний «мир насилия».

Особое значение имеет Первая мировая война для России, не менее важное по последствиям, чем борьба с нашествиями Наполеона или Карла XII, а по масштабам даже большее. Она – единственная не западная страна, никогда не бывшая колонией или зависимой территорией Запада. С начала бурного спурта Западной Европы в эпоху раннего нового времени на первый план стала выдвигаться задача догнать «фаустовский» Запад. После Великого посольства (1698 г.) и до великой мобилизации (1914 г.) Россия смогла и независимость сохранить и приблизиться к западным стандартам. Первая мировая война – самая интересная из войн, поскольку до нее Россия была одна, а после стала другой.

В Европе после войны выявляются три варианта возможного дальнейшего развития:

Немецкий с акцентом на идею этноса.

Советский с акцентом на социальных рецептах. СССР – не искусственное общество, а попытка создать типичное европейское государство, но без западных проблем.

Либерально-демократический с акцентом на праве, секулярности, гуманизме.

Именно они столкнутся во Второй мировой войне. Второй и третий варианты пойдут на временный союз ради военной победы над фашизмом, но после войны начнется информационная война и между ними, которая фактически начиналась еще после Первой мировой войны в связи с социально-цивилизационной революцией в России, ставшей во многом ответом на цивилизационную и военную атаку Запада.

Литература

Бурдые П. Практический смысл. – СПб.: Алетей, 2001. – 562 с.

Вебер М. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1990.

Дулуман Е.К. Религия как социально-исторический феномен. – Киев, 1975.

Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. – М.: Наука, 1991. – 264 с.

Кассирер Э. Философия Просвещения // Культурология. Дайджест. – 2003. – № 1(24). – С. 87–112.

Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полное собрание соч., 5 изд. – М.: Политиздат. – Т. 27.

Ликов Г. Г. Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестке мировых религий. : Мат-лы межрегион, науч.-практич.

конф. / Пиков Г.Г. – Новосибирск, 2002. – С. 81–82

Пиков Г.Г. «Сакральное» и «секулярное» в «христианской» культуре // История и теория культуры в вузовском образовании. Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2004. – Вып. 2. – С. 36 – 59.

Пиков Г.Г. К вопросу о терминах, применяемых и применимых к средневековой истории // Политическая культура в истории Германии и России. – Кемерово, 2009. – С. 190 – 217.

Учебный курс по культурологии. /Науч. ред. Г.В. Драч. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 575 с.

Хейзинга Й. «Осень средневековья». – М: Наука, 1988. – 540 с.

Эрико де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит

поражение во всем капиталистическом мире. /Пер. с англ. Б. Пинскер. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. – 272 с.

Ohmae K. The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. London: Harper Collins, 1990.

Карпец В. Первая мировая: начало конца. – URL: <http://pravaya.ru/look/17163?print=1>. (дата обращения 4.11.2010).

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. – URL: http://uz-left.narod.ru/txt/kkgfr_v.htm. (дата обращения 4.11.2010).

Энгельс Ф. Анти-Дюринг URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001015/st000.shtml> (дата обращения 4.11.2010).